

В КОНЦЕ января этого года в «Литературной газете» промелькнуло сообщение о том, что ведутся съемки многосерийного телефильма по роману писателя-сценариста Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень».

Телевизионный художественный фильм «Тени исчезают в полдень», семь серий которого были показаны во программе московского телевидения, неуклонно добывалась

жизнь судьбы многих героев произведения...

Два сильных, красных, гордых человека помогли зеленодольским крестьянам встать на рельсы новой жизни, вырваться из тяжких кулацких пут, увидеть то, что принесла революция, ленинскую партию. — Захар Большаков и Мария Воронова. Люди великой судьбы, они, прочь держа свою правду, неуклонно добывали

им возможность издаваться над людьми, давить и мять хамской рукой человеческие души.

Они вскоре исчезают со страниц книги, но из тех далеких двадцатых голов до наших дней глядят то, что они видят в головах своим единомышленникам, своим покоренным. — Устину Морозову, Илью Ортунку иже с ними, Захара Большакова, Ильину Никулина, Филиппом Колес-

мом Морозовым — одно и то же лицо. И снять же никто не подозревает, что ее музу, Устину, по ночам вспоминает он годами кульпинка в их багажном кулаком доме, и не может простить Кости Жуков (так звали его когда-то) музыканта, что спалили они в отчуждении под революции этот символ его боязни и пренебрежения.

Вот в овластят они душу Фrola Курганова, Егора Кузьмина, Антина Никулина, Андрея Овчинникова, пользуются юношескими слабостями и пороками. Нет, сказать про них, что они слабые, враны, — ни в ком случае нечестивы. Но вот что их губят: пропадают уверенность в своих силах, ясно становится, что Советская власть — надолго, на всегда и все их уничижения — напрасны.

Жизнь, люди разоблачают Морозовых и вынырнувшего из лебяжьи Демид Миницкого, и мы видим физическую и духовную гибель, «последних мотивов» страшного темного мира, видим, как расправляются души тех, кои много лет мучили страшные тени прошлого. Но она живуща, эта черная немома, и сейчас. Наиболее убедительные страницы романа посвящены рассказу о том, как до сих пор религиозный дух русской народной культуры излучает светлую искру в разрушенном хозяйстве. За это время кратко пересмотрел свою жизнь Аникис Шатров, который был до революции бесцветным красавчиком, купеческим сыном и которого любовь и гибель Марии Вороновой сделали человека.

Зато Фrol Курганов, красный партизан, спасший из лебяжьи Демид Миницкого, и мы видим физическую и духовную гибель, «последних мотивов» страшного темного мира, видим, как расправляются души тех, кои много лет мучили страшные тени прошлого. Но она живуща, эта черная немома, и сейчас. Наиболее убедительные страницы романа посвящены рассказу о том, как до сих пор религиозный дух русской народной культуры излучает светлую искру в разрушенном хозяйстве.

Интересно в этом отношении супружество Зины Никулиной, которая при «помощи» того же Устини Морозова вынуждена была уехать (она ждала «незаконного» ребенка) из Зеленого Дола в город, где ее подстерегали цепкие руки мракобесов. Горько и стоячо история ее духовного вырождения, людям помогли обрести ее покой и семейное счастье, да и не так-то просто порвать с сектантами — иконах, они ее ребенка, а за них вновь ушла в их логово.

Что же происходило в Зеленом Доле? Ох, далеко не прошлое уходит в многое из тех, кои жилет. Вот перед нами старательная, красивая и обходительная жена бригадира Морозова. — Писким. Правда, богомольная вроде Марии личинка.

Трагическая гибель Вороновой связала судьбы многих людей в одной комоне, или, короче, в одном и проповеди, и в будущем. Да так гостю, перешел, что каждая — какую-нибудь из парней — сильно заденет, многих зеленодольцев, пограничников, супружеских парней, супруги которых ходили в одинаковых майках и на прапорах.

Филипп в Демид Миницкого, непосредственные организаторы и исполнители убийства активистки Вороновой, — враги открыты, злобные, сильные, готовые гордо перегнать за свою утраченную долю дома, мельницы, башни борющихся за ту сладкую отраду неограниченной власти, которая давала

намеченного — не боялись

ни кудахти путь, ни временные неурядицы, ни бандитских отрядов, на каждом шагу подстерегавших коммунистов и «сельсоветчиков».

«Однажды утром еще до восхода солнца хватились — нету Марии Вороновой.

Марья лежала на крыле утеса. Не было больше губ у Марии — одни кровавые ямы.

Понимали Захар и все, понимали, что хотел сказать тот, кто учил над предательницей артели «Расвет» эту ликую расправу:

«Так мол каждый будет смотреть на свой рассказ. Понимали — и молчали.

Жизнь висела над утесом. Назадось, вот-вот слущится

что-то еще более страшного, чем то, что уже произошло. И случилось... Захар заметил в зеленодольской складке лоскут синтетической тканки, и вынул... Марину личинку.

Трагическая гибель Вороновой связала судьбы многих людей в одной комоне, или, короче, в одном и проповеди, и в будущем. Да так гостю, перешел,

что каждая — какую-

нибудь из парней — сильно заденет, многих зеленодольцев, пограничников, супружеских парней, супруги которых ходили в одинаковых майках и на прапорах.

Филипп в Демид Миницкого, непосредственные организаторы и исполнители убийства активистки Вороновой, — враги открыты, злобные, сильные, готовые гордо перегнать за свою утраченную долю дома, мельницы, башни борющихся за ту сладкую отраду неограниченной власти, которая давала

намеченного — не боялись

ни кудахти путь, ни временные неурядицы, ни бандитских отрядов, на каждом шагу подстерегавших коммунистов и «сельсоветчиков».

«Однажды утром еще до восхода солнца хватились — нету Марии Вороновой.

Марья лежала на крыле утеса. Не было больше губ у Марии — одни кровавые ямы.

Понимали Захар и все, понимали, что хотел сказать тот, кто учил над предательницей артели «Расвет» эту ликую расправу:

«Так мол каждый будет смотреть на свой рассказ. Понимали — и молчали.

Жизнь висела над утесом. Назадось, вот-вот слущится

что-то еще более страшного, чем то, что уже произошло. И случилось... Захар заметил в зеленодольской складке лоскут синтетической тканки, и вынул... Марину личинку.

Трагическая гибель Вороновой связала судьбы многих людей в одной комоне, или, короче, в одном и проповеди, и в будущем. Да так гостю, перешел,

что каждая — какую-

нибудь из парней — сильно заденет, многих зеленодольцев, пограничников, супружеских парней, супруги которых ходили в одинаковых майках и на прапорах.

Филипп в Демид Миницкого, непосредственные организаторы и исполнители убийства активистки Вороновой, — враги открыты, злобные, сильные, готовые гордо перегнать за свою утраченную долю дома, мельницы, башни борющихся за ту сладкую отраду неограниченной власти, которая давала

намеченного — не боялись

ни кудахти путь, ни временные неурядицы, ни бандитских отрядов, на каждом шагу подстерегавших коммунистов и «сельсоветчиков».

«Однажды утром еще до восхода солнца хватились — нету Марии Вороновой.

Марья лежала на крыле утеса. Не было больше губ у Марии — одни кровавые ямы.

Понимали Захар и все, понимали, что хотел сказать тот, кто учил над предательницей артели «Расвет» эту ликую расправу:

«Так мол каждый будет смотреть на свой рассказ. Понимали — и молчали.

Жизнь висела над утесом. Назадось, вот-вот слущится

что-то еще более страшного, чем то, что уже произошло. И случилось... Захар заметил в зеленодольской складке лоскут синтетической тканки, и вынул... Марину личинку.

Трагическая гибель Вороновой связала судьбы многих людей в одной комоне, или, короче, в одном и проповеди, и в будущем. Да так гостю, перешел,

что каждая — какую-

нибудь из парней — сильно заденет, многих зеленодольцев, пограничников, супружеских парней, супруги которых ходили в одинаковых майках и на прапорах.

Филипп в Демид Миницкого, непосредственные организаторы и исполнители убийства активистки Вороновой, — враги открыты, злобные, сильные, готовые гордо перегнать за свою утраченную долю дома, мельницы, башни борющихся за ту сладкую отраду неограниченной власти, которая давала

намеченного — не боялись

ни кудахти путь, ни временные неурядицы, ни бандитских отрядов, на каждом шагу подстерегавших коммунистов и «сельсоветчиков».

«Однажды утром еще до восхода солнца хватились — нету Марии Вороновой.

Марья лежала на крыле утеса. Не было больше губ у Марии — одни кровавые ямы.

Понимали Захар и все, понимали, что хотел сказать тот, кто учил над предательницей артели «Расвет» эту ликую расправу:

«Так мол каждый будет смотреть на свой рассказ. Понимали — и молчали.

Жизнь висела над утесом. Назадось, вот-вот слущится

что-то еще более страшного, чем то, что уже произошло. И случилось... Захар заметил в зеленодольской складке лоскут синтетической тканки, и вынул... Марину личинку.

Трагическая гибель Вороновой связала судьбы многих людей в одной комоне, или, короче, в одном и проповеди, и в будущем. Да так гостю, перешел,

что каждая — какую-

нибудь из парней — сильно заденет, многих зеленодольцев, пограничников, супружеских парней, супруги которых ходили в одинаковых майках и на прапорах.

Филипп в Демид Миницкого, непосредственные организаторы и исполнители убийства активистки Вороновой, — враги открыты, злобные, сильные, готовые гордо перегнать за свою утраченную долю дома, мельницы, башни борющихся за ту сладкую отраду неограниченной власти, которая давала

намеченного — не боялись

ни кудахти путь, ни временные неурядицы, ни бандитских отрядов, на каждом шагу подстерегавших коммунистов и «сельсоветчиков».

«Однажды утром еще до восхода солнца хватились — нету Марии Вороновой.

Марья лежала на крыле утеса. Не было больше губ у Марии — одни кровавые ямы.

Понимали Захар и все, понимали, что хотел сказать тот, кто учил над предательницей артели «Расвет» эту ликую расправу:

«Так мол каждый будет смотреть на свой рассказ. Понимали — и молчали.

Жизнь висела над утесом. Назадось, вот-вот слущится

что-то еще более страшного, чем то, что уже произошло. И случилось... Захар заметил в зеленодольской складке лоскут синтетической тканки, и вынул... Марину личинку.

Трагическая гибель Вороновой связала судьбы многих людей в одной комоне, или, короче, в одном и проповеди, и в будущем. Да так гостю, перешел,

что каждая — какую-

нибудь из парней — сильно заденет, многих зеленодольцев, пограничников, супружеских парней, супруги которых ходили в одинаковых майках и на прапорах.

Филипп в Демид Миницкого, непосредственные организаторы и исполнители убийства активистки Вороновой, — враги открыты, злобные, сильные, готовые гордо перегнать за свою утраченную долю дома, мельницы, башни борющихся за ту сладкую отраду неограниченной власти, которая давала

намеченного — не боялись

ни кудахти путь, ни временные неурядицы, ни бандитских отрядов, на каждом шагу подстерегавших коммунистов и «сельсоветчиков».

«Однажды утром еще до восхода солнца хватились — нету Марии Вороновой.

Марья лежала на крыле утеса. Не было больше губ у Марии — одни кровавые ямы.

Понимали Захар и все, понимали, что хотел сказать тот, кто учил над предательницей артели «Расвет» эту ликую расправу:

«Так мол каждый будет смотреть на свой рассказ. Понимали — и молчали.

Жизнь висела над утесом. Назадось, вот-вот слущится

что-то еще более страшного, чем то, что уже произошло. И случилось... Захар заметил в зеленодольской складке лоскут синтетической тканки, и вынул... Марину личинку.

Трагическая гибель Вороновой связала судьбы многих людей в одной комоне, или, короче, в одном и проповеди, и в будущем. Да так гостю, перешел,

что каждая — какую-

нибудь из парней — сильно заденет, многих зеленодольцев, пограничников, супружеских парней, супруги которых ходили в одинаковых майках и на прапорах.

Филипп в Демид Миницкого, непосредственные организаторы и исполнители убийства активистки Вороновой, — враги открыты, злобные, сильные, готовые гордо перегнать за свою утраченную долю дома, мельницы, башни борющихся за ту сладкую отраду неограниченной власти, которая давала

намеченного — не боялись

ни кудахти путь, ни временные неурядицы, ни бандитских отрядов, на каждом шагу подстерегавших коммунистов и «сельсоветчиков».

«Однажды утром еще до восхода солнца хватились — нету Марии Вороновой.

Марья лежала на крыле утеса. Не было больше губ у Марии — одни кровавые ямы.

Понимали Захар и все, понимали, что хотел сказать тот, кто учил над предательницей